

НАТАЛЬЯ БАКЛИНА

ВЕЕР С ГЕЙШАМИ

Ты думаешь, что лучше не любить?

Про любовь в забавных
обстоятельствах

18+

Наталья Баклина
Веер с гейшами

«Автор»

2003

Баклина Н.

Веер с гейшами / Н. Баклина — «Автор», 2003

Северный город, привычная работа в газете, привычные отношения с бывшим мужем - вернувшись в привычное, Ольга думала, что оставила за спиной московскую историю с внезапной страстью и внезапным сексом. Ну случилось... Но жизнь отказывается возвращаться в привычную колею. Во-первых, старый знакомый из Японии приезжает жениться на русской невесте, и эту невесту нужно срочно найти. А во-вторых, московская "лёгкая интрижка" получает непредвиденное продолжение. Парад невест, комизм ситуаций и (наконец-то!) счастье в личной жизни - вот такая история о любви. Книга вошла в серию "Про любовь и обстоятельства".

© Баклина Н., 2003

© Автор, 2003

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Наталья Баклина

Веер с гейшами

Посвящается Ольге Насоновой, которая ввела меня в журналистику
и научила крепким азам.

Действие романа происходит в 90-е годы, когда компьютеры только-только входили в обиход, про интернет мало кто слышал, а мобильная связь была очень дорогим удовольствием.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЖЕНИХ ТРАНЗИТОМ

Глава 1

Тётка была толстой, и красное платье в крупный бежевый цветок делало её приземистую фигуру совершенно квадратной. Ей было жарко: нос в испарине, жёлтенькие прядки нахмиченных кудряшек прилипли ко лбу. Когда она, поставив свой баул, принялась утирать лоб смешным детским платочком в котятках и мячиках, Ольга увидела мокрый развод подмышкой. И немудрено. Мало того, что сегодня на Москву свалилась жара за тридцать, так ещё и эта крупнокалиберная горемыка тащила, вернее, толкала и пинала, к стойке регистрации две увесистые сумки и пару обмотанных скотчем коробок.

Тётка закончила утираться и огляделась. Встретилась с Ольгой глазами:

– Здесь регистрация на Северск, да? Девушка, а это все ваши вещи? А может быть, сдадите вот эту мою коробочку как свой багаж?

Ольга пожала плечами – а почему бы и нет, собственно? У самой чемоданчик крохотный, чего бы и не выручить землячку...

– А что там у вас? Бомбы нет?

– Бомбы? Нет, – разулыбалась тётка, и Ольга вдруг увидела, что никакая это не тётка, что она едва ли старше её самой. Просто платье это дурацкое, и кудряшки, кстати, похоже, все-таки свои, и вспотела.

– Постельное бельё там, и полотенца. Я к жениху в Северск лечу, вот и набрала... приданого.

Про жениха слушать было некогда – вдруг заработала вторая стойка, очередь оживилась. Ольга и «тётка» быстро подхватили-потасили-допинали сумки и коробки, сдали на Ольгин билет багаж в довесок к её чемоданчику, попав тютелька в тютельку в дозволенные бесплатные тридцать кг. А нететке-невесте всё равно пришлось доплачивать – даже оставшаяся поклажа перебрала килограммов на пять.

В общем-то, невесте этой с Ольгой повезло. С материка (северские остальную страну называют только так, «материк». Дорог нет, выбраться можно только по воде или по воздуху, чем не остров?) народ возвращался гружёным под завязку. Тащили варенье, фрукты, колбасу и все прочее, что в северном крае стоило втрое-вчетверо дороже, чем «на материке». Так что отпущенные «Северскими авиалиниями» багажные лимиты использовались на все сто. А иногда и на все двести – нет-нет да и случалось, что последних пассажиров оставляли до следующего рейса «Извините, самолет перегружен».

В этот раз поместились все. Ольга уселась у окна, вытянула ноги – все-таки хорошо, что она метр шестьдесят пять, а не какие-нибудь там метр восемьдесят. Помещается. Убрала куртку на верхнюю полку – это в Москве плюс тридцать, а в Северске, прогноз слышала, плюс десять всего, – достала новый детектив. В общем, приготовилась к долгому, семь часов, перелёту.

– Ой, ещё раз здравствуйте! У нас места рядом – приземлилась на соседнее кресло невеста в красном платье.

– Конечно, соседние, мы же вместе регистрацию проходили.

– Света – протянула соседка розовую и неожиданно сухую ладошку. – Я к жениху лечу.

– Да, я помню, вы говорили. Я Ольга. Вы в Москве живете?

– Нет, из-под Рязани я. Слышали такой город, Скопин?

– Что-то такое слышала... – слукавила Ольга. Из уездных городков она могла точно сказать только про Урюпинск: где-то на Волге. Теперь будет знать про Скопин: где-то под Рязанью.

– А вы в Северске живете?

– Да. Уже пятнадцать лет.

– И как там? Очень холодно?

– В самом Северске не очень, зима только слишком длинная. Ждёшь-ждёшь этого лета, деревья только в июне зеленеют. А в августе уже заморозки. И тёплых дней, чтобы без куртки ходить, за все лето с десятков наберётся

– А в этом, как его, всё время путаю название, в Усть-Масуне, холодно?

– В Усть-Манусе? Так вы туда едете? Надо же! Там – да. Там в декабре-январе морозы за пятьдесят.

– Кошмар! – зажмурилась Света. – Как же там люди живут?! Это ж что ж, в двух валенках по такому морозу ходить?

– В валенках бесполезно. Там местные мастера торбаса шьют, вы сразу закажите, как приедете.

– Как?

– Торбаса. Это такие чукотские сапоги из оленьих шкур, их срезают с ног оленей. Подошву делают из толстой резины, которая не дубеет на морозе, в два слоя, и между ними – слой войлока. А внутри сапога ватин. Вот тогда тепло и в пятьдесят градусов.

Ольга знала, о чем говорила. Тогда, после университета, они с Вадимом выбрали распределение на Север в районную газету «Золотая Округа», в тот самый Усть-Манус, в который сейчас летела Света. В конце восьмидесятых Северская область ещё была режимной зоной, и просто так туда было не попасть. Пограничники входили в прибывающие самолёты, проверяли документы и право на въезд. Ольга, для которой это путешествие на край земли в по-настоящему взрослую жизнь было самым главным поступком за все её двадцать три года, заволновалась под пристальным оценивающим взглядом серых глаз молодого пограничника. «С какой целью прибыли?» «В газету, по распределению!» – пискнула она, просунула руку Вадиму под локоть и стала нервно потирать свое новенькое блестящее обручальное кольцо. «Журналисты, значит? Успехов вам» – с уважением вернул документы пограничник. Тогда профессия журналиста вызывала уважение. А не раздражение, как сейчас.

Ольга вдруг очень отчётливо вспомнила, как это было. Как они ехали на автобусе-тру-дяде долгих восемь часов по пыльной дороге через высоченные перевалы. Как она обалдела от сопков, от диких бескрайних просторов, которые открывались с этих перевалов, – вниз, в обрыв возле самых колес автобуса смотреть страшно, лучше – вдаль). Обалдела от вида ярких шляпок каких-то незнакомых грибов, что рядами росли на мелькавших за окнами автобуса склонов, – позднее она узнала, что это олений гриб, не ядовитый, но горький. Потом она обалдела от первого их с Вадимом жилья – комнатки в деревянном бараке на четыре семьи с общей кухней и туалетом в конце коридора. Соседи были шумные, но уживчивые, щедрые, совершенно несклочные, готовые поделиться с ними и посудой, и хлебом. Особенно колоритным было семейство Панасюков из Украины. Алка работала лаборанткой в районной больничке, Петро – бульдозеристом на прииске. Алка умела варить потрясающие борщи, именно потрясающие. Они пахли так, что однажды на запах забрел какой-то бич (так тогда называли в поселке грязных бездомных бродяг-алкоголиков, расшифровывая слово как «бывший интеллигентный человек») и стянул кастрюлю с варевом. Поташил её по коридору, да недалеко унёс. Алка заметила, выскочила из-комнаты и так огрела доходягу по башке сковородкой, что погнула сковородкино алюминиевое дно.

Вдарила Алка с перепугу, – мужиков в бараке нет, на тот час всего-то их двое было, Ольга да Алка. А бич этот борщ сожрёт да, не дай бог, за добавкой припрётся или красть

поведится! В посёлке иногда случались мелкие кражи, хотя в целом было гораздо спокойнее, чем в Ольгином Свердловске.

От удара и неожиданности бедолага опрокинул на себя всю кастрюлю, побежал, поскользнулся, шлепнулся, извальялся в борще со всех сторон и удрал под алкины вопли, держась почему-то не за голову – наверное, удар смягчила нечесаная кудрявая грива, – а за задницу, к которой приклеился лавровый лист и кусочек капусты.

«А не воруй!» приговаривала Алка, а Ольге и страшно было, и борща жалко, и бича.

Такая вот у неё была тогда взрослая жизнь, совсем не похожая на ту, что представлялась, когда она собиралась с Вадимом на Север. О чем мечтала тогда? Об уютной, маленькой квартирке, о кружевных занавесках, о семейных лыжных походах, о мужественных обветренных лицах золотодобытчиков, которые станут героями её очерков, о добром и мудром главном редакторе, который будет посылать её в дальние бригады и ставить на первые полосы ее материалы о славных буднях золотого Края. Из всех «мечт» безоговорочно сбылись только кружевные занавесочки – Ольга купила их из «подъёмных» денег, которые выдали им с Вадимом, как молодым специалистам. Лыжные походы как-то не задались – в ноябре вдруг ударили страшнящее морозы, до пятидесяти шести градусов, какие там лыжи! Просто идти, и то воздух приходилось хлебать через шарф мелкими глоточками. Ольгу предупреждали, что будет холодно, но чтобы настолько! Хорошо, Алка ещё в сентябре убеждала их с Вадимом потратить львиную долю тех же подъёмных денег на торбаса, и Ольга согласилась, больше оттого, что очень уж ей понравились лохматые сапожки с аппликацией из кожи поверху голенища. Это было так экзотично, так по северному. И на зиму всё равно что-то покупать надо было, а торбаса стоили чуть дороже приличных сапог. В общем, соблазнились Ольга с Вадимом экзотикой, и правильно сделали – ножки в сапожках отморозились бы в три счёта. А так про ноги можно было не вспоминать, а заниматься лицом. Прикрывать нос варежкой, скулы тереть, когда совсем уже немели. И шапку натягивать поглубже, чтобы закрывала лоб и уши, и шарф подтягивать повыше, чтобы мочки грел.

Но это было потом, аж через четыре месяца после переезда. А первые два Ольга северским краем наслаждалась. Наслаждалась сопками и двумя шустрыми речками, Дериним и Манусом, между которыми втиснулся посёлок. Наслаждалась подосиновиками, которые росли в полудне ходьбы от их барака и задорно семафорили своими оранжевыми шляпками меж карликовых берёз и осин. Приходила в экстаз от ядрёной брусники размером с мелкую вишню. В конце августа ягода буквально красным ковром покрыла склоны всех соседних сопки, и народ таскал её вёдрами, эту крупнокалиберную бруснику, запасаясь витаминами на зиму. Ольга тоже запаслась, за какие-то два часа собрав аж шесть литров. И в этих приятных хлопотах всё ждала, когда же редактор отправит её на настоящее задание.

Редактором «Золотой Округи» оказалась крепкая дама предпенсионного возраста с замечательным именем Ариадна. В районную газету Ариадна была сослана в начале восьмидесятых из главных редакторов Северной областной газеты, ещё и рада была, что легко отделалась. Уж больно скандальный случай получился, по тем временам и вовсе могли из профессии изгнать.

А случилось вот что. В номер на первую полосу срочно ставили заметку о водителе, который как раз накануне прошел свой стотысячный километр по северским перевалам. Заметку быстро написала сама Ариадна, текст срочно отправили в набор (тогда ещё высокий, со свинцовыми буквами) полосу срочно вычитали и корректор, и сама редактор). И наутро газета вышла с восторженной статьёй и с фотографией героя. На фото герой сидел, крепко вцепившись в баранку, и с сосредоточенным напряжением глядел вдаль. А под фото (напряжешься тут!) красовался заголовок статьи: «Сто тысяч километров – не пердел!». Наборщик впопыхах букву «е» не туда поставил, корректор проглядел, Ариадна заголовок в гранках не вычитала...

С тех пор прошло лет десять, но Ариадна бдела вовсю, к молодым журналистам относилась со строгостью и бестрепетной редакторской рукой вымарывала всю, как она говорила,

«отсебятину». В Ольгином случае – именно то, что делало её заметки лёгкими, ироничными и живыми, за что её хвалили преподаватели университета и руководители практики, отчего в Свердловской городской газете с удовольствием брали её очерки и репортажи. Там хвалили, а тут – вымарывали... Но Ольга всё равно старалась хоть как-то обыграть скучнейшие задания, которыми её нагружала Ариадна. Отправила однажды расхвалить яйценоскость совхозных кур, которые расстарались по случаю изменения режима питания и освещения, и взять интервью у зоотехника-рационализатора, который всё это дело придумал и внедрил. Рационализатор оказался тем ещё рассказчиком: заикался, краснел и кивал в ответ на наводящие вопросы. Интервью ей просто-напросто пришлось выдумывать, добавив лирики и размышлений на тему «человек и его Дело». Однако после решительной правки Ариадны вся выдумка ушла в отвал. И на выходе рационализатор превратился в идеально-плакатного героя северных будней, а Ольга, чья подпись осталась под интервью, – в идиотку с шершавым языком плаката. Ещё как-то Ариадна отправила её писать о племенном коровьем пополнении, прибывшем в совхоз с материка. Ольга попросилась войти в коровник – хотела впечатлений набраться. Получила от зоотехника пару резиновых сапог сорок пятого размера, влезла в них вместе с кедами тридцать шестого, добрела до стойла, постояла, поглядела на чёрно-белую сверх удойную скотинку, собралась развернуться к выходу и чуть не рухнула плашмя в навозную жижу. Пока она стояла и набиралась впечатлений, сапоги засосало выше щиколоток, и вынуть их не было никакой возможности, – вынималась нога в кеде, сапог оставался. Так и стояла она минут двадцать, решая, что делать, выгребать в кедах по навозу или орать «помогите», пока зоотехник, которого кто-то куда-то отозвал, не спохватился: «А куда-то подевалась наша корреспондентка?» В итоге он вытащил её на руках – сапоги так и остались стоять в жиже.

В результате настроение у Ольги случилось такое, что впору фельетон про ферму строчить. Сама перешла на штампы о строителях светлого настоящего, – так легче врать было.

А как она радовалась, когда Ариадна отправила её на драгу писать о выполнении плана золотодобычи! Вот она, северная романтика! Драга, плавучая махина ростом с трёхэтажный дом, как раз тархтела недалеко от посёлка. Она каждое лето, как вскрывалась река, перекапывала дно Мануса, намывая золотой песок и вываливая на берега кучи отработанной гальки. Эти отвалы тянулись на несколько километров вдоль реки и стали особенностью местного пейзажа.

Однако, и на драге правда жизни оказалась такой, что писать про неё в газету было никак нельзя. Начальник участка поначалу бойко отвечал на Ольгины вопросы, матюгаясь каждым вторым словом. Причём делал это запросто и по привычке, только к середине интервью поняв, – Ольга моргала и заливалась краской, но терпела, – что происходит что-то не то. Как понял и постарался «фильтровать базар» – не смог разговаривать. Рабочие из-за грохота драги объяснялись жестами и молодуху, которая снимала пробу намывного грунта и называлась опробовщица, подзывали по-простому, прикладывая к ширинке сложенные кольцом большие и указательные пальцы. Получалось, на Ольгин взгляд, непристойно, но опробовщица не обижалась. Из всей ожидаемой Ольгой романтики осталось только добытое золото. Золото ей показали, но тусклые крупинки и комочки, из-за которых были перекопаны берега реки, Ольгу тоже не очень впечатлили.

Вадиму повезло больше. Муж напросился в артель к старателям, жил с ними всё лето, наезжая домой раз в две недели, писал по-настоящему живые зарисовки и отправлял их в областную газету в Северск или в Москву, в «Труд» и «Социндустирию». Кое-что печатала и Ариадна, – раз уж область пропускала, можно и ей расслабиться. И московские редакторы печатали северные репортажи почти без купюр. Вадим вдруг сделался собкором московских газет и многообещающим молодым журналистом. А Ольге вдруг поверилось, что работе муж отдается с гораздо большей страстью, чем семье. Это работу он любит, а с Ольгой так, дружит.

Семейная жизнь у них с Вадимом получалась ровная и спокойная. Ольга физически не умела орать, от чужих криков её просто тошнило, до темноты в глазах и до головокружения.

Это с детства так повелось, – седьмом классе она даже упала в обморок, когда её принялась распекать новая учительница по истории. Их Нину Ильиничну, которая разговаривала ровным голосом и всем ученикам говорила «вы», тогда отправили на пенсию, взамен пришла новая, Эльвира Валерьевна. Новая учительница говорила неприятным высоким голосом почти не меняя интонацию. Народ в классе быстро заскучал и начал писать друг другу записочки, передавая их по партам. Эльвира Валерьевна на Ольгиной парте одну такую записочку перехватила, развернула, прочитала и принялась на Ольгу орать. Она до сих пор помнила, как визг Эльвиры Валерьевны буквально ввинчивался в голову, входя в середину лба и отзываясь тошнотой под ложечкой. Это было невыносимо, хотелось закрыть уши и глаза и куда-нибудь деться. Она и делась, упав в обморок. От Ольгиного обморока истеричка-историчка с перепугу сама чуть сердечный удар не получила. Сбегала за медсестрой, та совала Ольге под нос вонючий нашатырь, твердила что-то про переходный возраст и гормональную перестройку. Потом написала освобождение от уроков на три дня. Когда Ольга вернулась в школу, уроки истории в их классе опять вела Нина Ильинична.

Дома у них тоже неприятно было кричать. Мама не повышала на Ольгу голос, она с ней договаривалась. А если Ольгу как-то заносило, маме достаточно было добавить жёсткости в голосе и взглянуть строго поверх очков. И дочь понимала.

Вадим тоже всегда с ней договаривался. Он начал ходить за Ольгой с первого курса. Как сел рядом на установочной лекции для первокурсников, так и держался всё время в пределах видимости. Они учились в одной группе, вместе курсовые писали, на практику ездили. Ольга за пять лет так привыкла к Вадиму, что и замуж вышла больше от привычки, чем по любви. Почти сразу их семейная жизнь стала протекать ровно, как у давно женатых и хорошо притесавшихся друг к другу супругов. Вадим совершенно не расстраивался, если Ольга не успевала что-то сделать по дому. Сам мог состряпать себе несложный ужин, рубашу погладить, постигнуть по мелочи. Он никогда не повышал на Ольгу голос, не срывал на ней раздражение. И ни капельки не ревновал.

Ольга, когда они уже жили на Севере, ему как-то проверку на ревность устроила. Пошла в клуб на репетицию народного театра, очерк о них готовила. Они там до двенадцати прорепетировали и до двух ночи чаи прогоняли. Ольга тоже чаи гоняла и про мужа думала: «Ждёт? Волнуется? Думает, небось, с кем это я загуляла!» Когда возвращалась домой, увидела, что в окне свет горит, и обрадовалась: ага, не спит, волнуется! Вот то-то же! Оказалось, что муж спит себе спокойненько, только настольную лампу зажжёт на подоконнике, чтобы жене не темно было возвращаться...

Ольга тогда аж разревелась от досады, что муж такой толстокожий. Живёт своей параллельной жизнью и Ольгу туда не приглашает. Не то чтобы не пускает, но как-то почти не делится. И в её дела не вникает, пока она сама его не попросит влезть. Просто брат какой-то, а не муж! Настоящая любовь, она же не такая! Настоящая любовь должна быть яркой, бурной, со страстями и серенадами. С Вадимом же ей было надежно, спокойно, бесхлопотно и... пресно.

А потом, через два года, когда у них уже подрастала годовалая Нюська и они переехали в Северск, в Ольгиной жизни появился Лобанов. Он заметил её в бассейне – стройную, гибкую, совсем не располневшую после родов, а лишь по-женски округлившуюся в нужных местах, и пошёл на таран. Так Ольгу добивались впервые в жизни. И муж Вадим, близорукий, худощавый, рано начавший лысеть блондин, в её глазах начал сильно проигрывать кудрявому коренастому красавцу Жоре Лобанову. Как Лобанов играл на гитаре, как пел (а у Вадима нет ни слуха, ни голоса)! Какую невиданную ягоду княженику привёз, целое ведро (а Вадим даже не спросил, откуда ягода)! И мешок вяленых хариусов подарил, и букетик незнакомых нежных цветов, похожих на эдельвейсы (а Вадим все время таскает ей гвоздики, как ветерану труда).

Жорины поцелуи Ольге нравились меньше. Его губы непривычно пахли табаком – Вадим не курил, и Ольга тогда тоже ещё не курила, – были колючими из-за усов, влажными, и после

она всегда быстро, украдкой, вытирала рот. И слушала, слушала: про речные пороги, дальние маршруты и заповедные красоты, к которым только на вертолёт можно долететь. Лобанов брал её руки, целовал ладони, щёки, губы, Ольга быстро утирала рот и думала: ах, какой у нас красивый роман.

Встречались они в его общежитии, в компании шумных весёлых людей, целовались, выйдя на кухню или на лестницу. Большого Ольга Лобанову не позволяла, – она не собиралась идти на большее и ломать семью. Она просто играла в красивую любовь, о которой так мечтала. Думала, – вот ещё чуть-чуть поживёт в этих греющих её романтическую натуру лучах мужского обожания и остановится. Обязательно остановится. Сумеет остановиться.

Лобанов взял её неожиданно, стремительно и жестко, без прелюдий и вопросов. Позвал на очередные посиделки в общежитии, а компании не оказалось, – только он и она. Ну и протаранил... Это было так не похоже на секс, которым Ольга занималась с Вадимом (а больше никогда ни с кем и не занималась), что она просто оторопела, не возражала, а потом тихо плакала: «Что же теперь делать»? «Выходить за меня замуж» – подсказал Лобанов, и Ольга решила выходить. Ну а что уж теперь, вон ведь как страстно он её любит...

Когда Ольга объявила мужу, что любит другого и подаёт на развод, она ещё ждала от Вадима каких-то действий, эмоций, слов особенных. А он подержал долгую, по театральному нелепую паузу, потом сказал «Если ты так решила...». На суде муж подтвердил, что они не сошлись характерами и что жить им вместе дальше ну никак невозможно. Потом уехал в Москву, и в комнату в коммуналке, которую им с Вадимом как молодой семье выделили в своё время из жилфонда областной администрации, из общежития переселился Лобанов. Переселился, и выдал Ольге «настоящую любовь» по полной программе: с ревностью, скандалами, контролем за её жизнью и нахрапистым сексом, от которого уже через пару месяцев её стало тошнить. Оказалось, что это беременность, оказалось, что внематочная. После операции выяснилось, что детей у Ольги больше не будет никогда.

– И у них там, на участке, всё по-западному. Домики тёплые, вода горячая есть, работают две недели через две. Начальник участка канадец, всё строго очень. Чуть какое нарушение – штрафуют, а на второй раз увольняют. Зато и платят хорошо. У Вовчика скоро контракт заканчивается, он хочет, чтобы мы скорее поженились. Так больше шансов, что контракт перезаключат – компания женатых работников предпочитает холостым. Да и самому надело, говорит, холостяковать. Вот и лечу!

Оказывается, пока Ольга вспоминала свою жизнь в Усть-Манусе, соседка ей что-то взахлёб рассказывала. Ольга включилась: оказывается, она слушала её параллельно своим мыслям. Света рассказывала про своего жениха, геолога, который смог устроиться в российско-канадскую кампанию и попал на Север золото добывать. Рудник недалеко от Усть-Мануса, работают там вахтовым методом, поэтому её Вовчик по две недели живет то на руднике в бытовке, то в посёлке в общежитии. Отпуск он решил в этом году не брать, остался денег к свадьбе зарабатывать. А свадьбу решил сыграть на Севере, для чего и вызвал к себе Свету.

– Свет, а вы его любите?

– Ага, люблю, – кивнула соседка, расплываясь улыбкой. – С шести лет люблю. Как он в садике меня за бок укусил, так и полюбил.

– Укусил?

– Ага. Я ему кубиком в лоб дала и башню развалила, а он меня за это укусил. Так и ходили потом: он с шишкой, я со следами зубов. У нас с ним в саду такие игры были! Мы и башни складывали, и в фашистов играли.

– Как это?

– А я убегала, а он меня ловил и в плен брал – отводил к забору и велел в тюрьме сидеть. Потом я убегала из плена, и он меня опять ловил. Так и выросли вместе, уроки друг у друга

списывали: я у него математику, он у меня русский. Целовались лет с тринадцати, ну и так, обжимались тоже. После школы хотели ехать в Москву учиться: я в Пищевой институт, он – в Горный. А потом я сдуру в Аркашку влюбилась, чёрт мне его подсунул, красавца этого, замуж за него выскочила в восемнадцать лет.

Ольга кивнула понимающе, а Света вздохнула:

– На дискотеке с ним познакомилась. Он старше меня на семь лет, знал, как с девчонками обращаться. В глаза заглянул, за ручку взял, улыбнулся – я и пропала. Какой там Вовчик! Аркаша был как свет в окошке. Верёвки вил из меня, гад, пока я через три года его на Лидке, подружке своей дорогой, не застукала.

– И что?

– Что-что, поорала и простила. Клялся, что кроме меня не нужен ему никто. Да и Ксюхе нашей уже полтора года было. А потом и клясться, и скрываться перестал, кобель. Наверное, всех одиноких баб в Скопине покрыв. Я, говорит, самец, и у меня зов природы. Начитался дряни всякой про секс в газетах. В общем, надоело мне это, я три года уже как забрала Ксюху и ушла. Морок этот любовный у меня выдохся, а больше меня возле него ничего и не держало. На деньги-то, считай, на мои жили. У нас в Скопине плоховато с работой, платят мало. Но мне повезло, я домработницей к одному москвичу устроилась. Он профессор какой-то, из Москвы приехал, у нас дом построил и то тут жил, книжки свои писал, то в Москву уезжал по делам. Я за домом следила, когда хозяин наезжал – готовила, стирала, убирала. Он платил хорошо и относился уважительно, без глупостей всяких. Ну, не приставал. А Аркаша, как его с молочного комбинат шесть лет назад сократили, нигде надолго устроиться не мог. В последние годы вообще, то грузчиком перебивался, то разнорабочим, то сторожем на стоянке. Зарабатывал гроши, только на сигареты и хватало. Вот и шарился по бабам, доказывал себе, что мужик.

– А Вовчик что же?

– А он, как я за Аркашу вышла, со злости один в Москву уехал и на геолога выучился. Мотался где-то, потерялся совсем. И, представляете, год назад я впервые в жизни в Москву выбралась. Профессор мой засобирился, – он на машине же, – я и напросилась, чтобы довез. Так вдруг захотелось по Красной площади походить, в метро поездить! И в метро на станции я с Вовкой столкнулась! Нет, ты представляешь? Хотела наверх выйти и заблудилась в этих переходах: Боровицкая, Арбатская, библиотека имени Ленина. Народу – жуть, голова – кругом, куда идти – фиг разберёшь. В общем, свернула куда-то, по лестнице поднялась, вышла: опять станция «Библиотека Ленина», второй круг наматываю. Стою, головой верчу, соображаю. Куда идти? Народ шныряет, все толкаются, бегут к этим поездкам, как будто каждый – последний, и до завтра следующего не будет! Никого ни о чём не спросишь, вокруг грохот – ужас!

Всё, думаю, Светка, так и сгинешь ты в этой суматохе. И вдруг, гляжу – Вовчик идёт! Сначала решила – обозналась. А он подходит: «Светкин, это ты?» Светкин... Так только он меня называл. И так на меня нахлынуло, будто и не было Аркашки в моей жизни, и нам с Вовкой будто по восемнадцать всего! И он обрадовался, утащил меня в Макдональдс, мы там часа четыре проговорили. У него без меня жизнь тоже не сложилась – ездил всё по своим экспедициям, не женился, хотя бабы были. Рассказал, что дочь у него растёт в Челябинске, двенадцать лет уже девчонке. Рассказал, что года три без нормальной работы мыкался, а теперь вот получил приглашение на собеседование в канадскую фирму, завтра идёт, и то, что меня вот так встретил – добрый знак. И представляешь, получил он эту работу! Ну, я уже об этом рассказывала. Мы год переписывались, теперь вот еду к нему на Север.

– Не страшно было из дома уезжать?

– Страшно, конечно, я же дальше Рязани, считай, и не ездила никуда. В Москву сегодня второй раз в жизни выбралась, и сразу – лететь, да на край сета! Но я ж не просто так – я к Вовчику. Обживемся – Ксюху заберу. Пока она с мамой моей.

– А он какой, твой Вовчик? Красивый?

– Красивым Аркаша был, поэтому ему от баб отбою не было. А Вовка, он – настоящий. Правильный. Он семью хочет, чтобы сына я ему родила. Дом для нас хочет построить. Теперь, говорит, у меня будет, для кого стараться. Он у меня особенный! И не пьёт! У него аллергия на водку!

– И вправду, особенный. Он будет тебя встречать?

– Нет, не сможет, вахта у него. Но он сказал, автобус прямо от аэропорта ходит, довезет. Покажешь, где садиться?

– Покажу, там недалеко.

Соседка какое-то время расспрашивала Ольгу, как живут в Усть-Манусе, радовалась, что лето там есть – почти полноценных три месяца и даже с жарой до тридцати градусов, что на огородах растёт морковь, картошка и капуста и что если есть работа, то жить там – хорошо. Потом устала, успокоилась и задремала – по Москве-то час ночи, лететь ещё долго, самое время поспать. Ольге спать не хотелось. Попробовала читать, но невероятные приключения частной сыщицы Агриппины не увлекли. Невеста-попутчица невзначай всколыхнула ту, прошлую жизнь, подробности которой Ольга давно уже уложила на самое дно своей памяти, пересыпала нафталином и никогда не перебирала, чтобы не травить душу.

Хватило полугода жизни с Лобановым, чтобы Ольга перестала себе врать: это с Вадимом она была счастлива. Оказывается, это он её любил, спокойной ненавязчивой любовью. Принимал такой, какая она есть, помогал и поддерживал так естественно и незаметно, что она посчитала это не переменным фоном своей жизни. Всерьёз полагала, что все мужчины ведут себя так. Дура была. Поумнела быстро, но всё равно поздно. Вадим в Москве вскоре женился, через год родил сыновей-близнецов, Веньку и Сеньку. И хотя полностью не ушёл из её жизни – присылал деньги для Нюски, звонил не реже раза в два месяца, – ничего уже было не вернуть.

Лобанов бесился от этих звонков и потом нудил и придибался весь вечер, но Ольга научилась не реагировать на его брюзжание, пропускать все мимо, мимо. Если Лобанов не орал – получалось. Если орал, трудно было не реагировать – шумел очень. А реагировать – напрасная трата нервов. Хотя в обмороки от криков Ольга теперь не падала – ко всему, оказывается, можно привыкнуть. В том числе и к бесконечным претензиям и требованиям.

Того, что от неё требовал Лобанов, Ольга делать не могла. И быть такой, как он требовал, не могла. Хотя первые полгода совместной жизни очень старалась. Потом год старалась не очень – слишком много уходило сил, чтобы следить за собой: как ходит, что говорит, как расставляет посуду на кухне, как складывает вещи в шкаф. Чтобы звонить по пять раз на дню, отчитываясь, что делает и когда придет. Чтобы оправдываться, если пришла слишком, по его мнению, поздно и доказывать, что быстрее ну никак не получалось.

В конце концов, Ольга устала от тотального лобановского контроля, от его нотаций и внушений, что она несовершеннолетняя, малоприспособленная и без его опеки ни на что не годная. Она даже развелась с ним восемь лет назад. Развода Лобанов долго не давал, не являлся на заседания суда, вымотал из Ольги душу и последние силы. Развода она добилась, но он ничего не изменил. Ольга так и осталась жить с фамилией Лобанова, под одной с ним крышей, только что вещи его перетащила в отдельную комнату, да спать с ним отказывалась. Квартиру даже разменять нельзя было.

Большая коммуналка, где Ольга с Вадимом получили комнату, оказалась в их с Лобановым распоряжении почти сразу, как он у Ольги поселился. Квартира располагалась на втором этаже жилого дома, чей первый этаж был отведён под поликлинику. И под коммуналкой как раз расположился рентген кабинет. Когда кто-то в СЭС посчитал, что в квартире слишком большой фон рентгеновских излучений, и жильцов принялись расселять. Выселили всех, кроме Ольги (Лобанов так жил, без прописки), потом начался расцвет демократии, выборы-перевыборы, заявления властей, что Север стране не нужен. Народ кинулся уезжать из города, чиновники переключились на другие хлопоты, врач из СЭС тоже уехал. Про решение СЭС

городские власти забыли, про Ольгу – тоже. По документам она занимала комнату в коммуналке, на деле – просторную трехкомнатную «сталинку» в центре Северска. Жить жила, но никаких продаж-обменов делать не могла. И выставить Лобанова тоже не могла – не уходил он. Тогда ушла Ольга – в себя, в работу, в командировки. Ездил по области, писала о людях и умирающих посёлках и видела такие человеческие истории, такую глубину отчаяния и такую силу духа, что Лобанов с его наездами и брызжанием становился мелким и несущественным. Да и польза от него была – он оставался на хозяйстве, присматривал за Нюской, относился к ней по-отцовски. И хотя тоже пилил её и воспитывал, всё-таки устраивал девчонке походы в сопки, брал с собой на острова и озёра. Нюске нравилось.

Путешествия были страстью Лобанова. И по возможности бизнесом. Он знал все заповедные места и тропы Северской области и за определённую плату готов был делиться этими знаниями со всеми желающими, составлять маршруты и быть проводником. На волне интереса иностранцев к Гулагу на его услуги был спрос, Лобанов водил иностранных исследователей по заброшенным, не указанным на картах сталинским лагерям, получал от них вознаграждение в валюте. Теперь эта волна схлынула. Иностранцы насмотрелись и на лагеря, и на легендарную лагерную столицу. Да и местный сервис не очень располагал к визитам: и в облезлой гостинице «Северск» совкового типа и в евроотремонтированном отеле «Вечерний» одинаково отсутствовала горячая вода с мая по сентябрь и устраивали бега тараканы. Поэтому в последнее время Лобанов носился с проектом экстремального туризма со сплавом по Реке и восхождениями на самую высокую, ростом с Эверест, сопку. Со своей всегдашней настойчивостью бомбил этими проектами местную прессу и администрацию, писал в Москву и даже сумел завлечь съёмочную группу передачи «Вокруг света» вместе с Сенкевичем. Ольга тогда тоже с москвичами поехала, посмотрела. Рыбу в море половила, на вертолёт в такие сказочно-заповедные места залетала, одно озеро Джека Лондона, голубое роскошное зеркало в изумрудной оправе окрестных сопкок, чего стоило! Лобанов потом подчёркивал, как ей повезло. Мол, была бы американским туристом, заплатила бы за это удовольствие тысяч двадцать. Долларов.

Впрочем, она и так Лобанову платила, в рассрочку. От лета до лета он жил на Ольгину зарплату. Не то чтобы денег требовал, но ел продукты из холодильника, брал её сигареты и как-то так ставил в известность о неотложных расходах, что Ольга их оплачивала. Когда уезжала в командировки, она всегда оставляла им с Нюской денег на хозяйство. Когда летом, в сезон, деньги у Лобанова появлялись, он тратил их на свои туристские неотложные нужды и покупал что-нибудь в дом. Недавно, вот, диван купил – у Ольги не получалось скопить – и считал себя добытчиком, хозяином и ждал бурных похвал и восторгов. На диване деньги у Лобанова закончились, и опять все жили на Ольгину зарплату.

– Что пить будете? – вернула Ольгу в самолет стюардесса.

– Воду, пожалуйста, без газа. А обед скоро будет?

– Минут через сорок.

– А мне колы дайте, девушка, – проснулась Света. Она прозевалась, протёрла глаза, пригладила взъерошенные кудряшки и зацепилась взглядом за обложку Ольгиной книги:

– Слушай, Оль, а давай погадаем.

– Как это?

– А по книжке по твоей. Я дома всегда по книжкам гадаю.

– Так это же детектив!

– А хоть кулинарный справочник. Нет, серьёзно, я по справочнику тоже гадаю. Если выпадет что-то типа «взять телячьи почки и два часа вымачивать в проточной воде» – значит плохой прогноз, а если «украсить взбитыми сливками и нарезанными ягодами клубники» – все будет хорошо.

– А если «помешивать на медленном огне до загустения»? – развеселилась Ольга.

– Тогда сиди и жди – все само образуется. Ну, вот давай, открой мне двадцать четвёртую страницу и прочитай шестую строчку сверху... Нет, восьмую строчку!

– «Дверь за ней захлопнулась и Агриппина осталась одна. В темноте угадывались ступени. Они вели вверх, к какому-то источнику света. Свет мерцал бледным заревом, которое Агриппина ясно различила, как только глаза привыкли к темноте», – прочла Ольга, залезая и на девятую строку. – И что это значит?

– Что у меня все будет хорошо. Мы же на меня гадали? Вот смотри: дверь захлопнулась – это я уехала из своей прошлой жизни. Осталась одна – одна ведь сейчас лечу. Лестница вверх – значит, куда надо идти собралась. Свет вдалеке – все будет хорошо.

– Ну ты сильна... – покрутила головой Ольга.

– А то! Теперь давай тебе погадаем. Называй страницу и строчку!

– Ну... – задумалась Ольга и назвала свой возраст и завтрашний (или уже сегодняшний?) Запуталась совсем с этой восьмичасовой разницей во времени!) день:

– Страница тридцать восемь, строка двенадцать. Снизу!

– Раскрывай книжку! Читай вслух!

– «Веер был сделан из тонкой рисовой бумаги. Он трепетал, и нарисованные гейши, казалось, танцевали свой чувственный танец, навевая на Агриппину смутные эротические желания и овеивая её приятным сквознячком». Хрень какая-то... Где я и где гейши? Да ещё со смутной эротикой?

– Так, спокойно, – сосредоточилась Света. – Сквознячок – это к переменам. Эротические желания, чувственный танец... наверное, роман у тебя намечается. Гейши и рисовая бумага... с японцем, что ли, каким...

– Да ну тебя, – захохотала Ольга. – Какой ещё японец! Нет в Северске никаких японцев, китайцы только на рынке барахлом торгуют. Представляешь, в прошлом году приехали осенью на разведку, привезли тюль, тапочки, купальники – стоят с этим барахлом на морозе. Один прямо поверх купальников объявление повесил: «все очень дёшево, хочу домой, замерз». Это ему, наверное, кто-то из наших для прикола написал. Сами они по-русски почти не разговаривают!

– Ну, тогда будет у тебя роман с китайцем! – хохнула Света.

– Ага, и он мне подарит все свои купальники!

От дурацкого гадания Ольга развеселилась, выбросив из головы всю тоску, что вдруг всплыла в этой поездке. И когда принесли обед, – Ольга выбрала курицу, Света – гуляш, – она поела в хорошем настроении. Потом Света выпросила детектив почитать, а Ольга откинулась в кресле, закрыла глаза и вернулась мыслями к гаданию. Эротическое приключение, надо же...

Ну да, было такое, неожиданное... Было и было, не к чему вспоминать. Знакомый японец у неё тоже есть, только для романа малоприспособленный. Мачимура, бывший заключённый сталинских лагерей. Семнадцатилетним пацаном попал в плен на Сахалине под занавес Второй мировой войны, просидел в лагерях три года, строил дома в Северске. Потом уехал в свою Японию, а в 97-м году объявился во главе делегации, которая разыскивала могилы японских военнопленных по сталинским лагерям. Он единственный из делегации знал хоть что-то об этих местах и мог хоть как-то изъясняться по-русски. Ольга тогда уже работала в «Территории», новой демократической северской газете. Её отправили писать про японскую делегацию, она познакомилась с Мачимурой, привела к нему Лобанова, тот вызвался быть проводником. Гонорар Лобанов отработал добросовестно, довёл японцев до заброшенного лагеря на урановых рудниках с огромным кладбищем с пронумерованными могилами. Оно тогда ещё почти не тронутое стояло, это после всякие охотники до сувениров растащили и кресты, и таблички. Даже школы окрестные сдуру краеведческие экспедиции туда устраивали, разыскивая что-нибудь для школьных музеев. Сдуру, потому что радиоактивность в этом лагере была довольно высокая. Раж краеведов местные власти догадались утихомирить только тогда,

когда в одном из таких школьных музеев обнаружился «фонящий» ботинок, – подошва дражного лагерного экспоната оказалась пропитана грунтом с уранового рудника. Обнаружилось это случайно – водили очередных туристов с Аляски, школу показывали, а у одного в кармане дозиметр был. Маленький такой, на авторучку похож. Ну и защёлкала эта авторучка в школьном музее, как дятел в берёзовой роще. Что было тогда! Скандал на всю область! Ольга сама про этот случай писала.

Японцы в тот приезд сфотографировали могилы и переписали номера табличек, затем в Москве добыли информацию в архивах и выяснили, какие могилы – японские, и уже следующим летом Мачимура приехал снова, забирать останки. Нельзя, говорит, чтобы человек был похоронен на чужбине. Пока кости его не вернутся на родину в Японию, нет его душе покоя. Это Ольга так для себя перевела его объяснения на русском и английском. Английский она тогда знала средне, а по-русски Мачимура говорил очень специфично – язык-то учил в плену, со слов охранников и конвоиров. Поэтому по-русски он в основном матерился – старомодно, с акцентом и с доброжелательной японской улыбкой.

Ольга ещё в первый приезд Мачимуры устроила ему дружеские посиделки с журналистами «Территории» – точнее, с журналистками, мужчин в редакции было мало, они куда-то отлучились и не пришли. Японец, крепкий, кстати, не смотря на свои почти семьдесят лет, выпил водочки, захмелел и полностью перешёл на русский язык. Тётки хохотали от его старательных матюков, и Мачимура чувствовал себя стопроцентным покорителем женских сердец. Ольгу он выделил из всех, называл «Оля-доча», звонил ей из Японии и на третье лето, когда с могилами уже было покончено, приехал в Северск с приземистым рябым сорокалетним японцем и попросил помочь его женить. Я, говорит, рассказал, какие красивые у вас девушки, и он приехал за невестой. Японец прожил в Северске все лето, и к августу ему действительно нашлась невеста – двадцативосьмилетняя красавица-библиотекарша с пшеничной косой до пояса. Её через каких-то знакомых отыскала Люся из отдела писем. Библиотекарша уже отчаялась выйти замуж – она родилась и выросла в посёлке на три тысячи человек. Работы там не было, нормальные мужики уехали, кто в Северск, кто на материк, остались алкаши да старики, которым деваться некуда. И ей было не уехать – с матерью жила, не бросишь. Так и сидела в своей библиотеке, книжки читала, ничего от жизни не ждала. Жениха из Японии приняла как подарок судьбы. Он и её, и маму увез в свою Японию. Три года прошло, вроде, родился кто-то у них – японская жена переписывалась с Люсей из отдела писем. А Мачимура что-то долго не объявлялся...

– Уважаемые пассажиры! Наш самолет прибывает в аэропорт «Соколово». Просьба привести кресла в вертикальное положение и пристегнуть привязные ремни!

Оказывается, она задремала.

Глава 2

– Сколько раз тебе говорить – не наливай чайник из-под крана. Специально же воду отстаиваю, из банки наливай. И воду не набирай полный чайник – он так быстрее портится. Слушай, ты выкинешь когда-нибудь эту свою облезлую кружку? Вон, трещина уже на боку. У тебя что, денег на новую не хватает? Ты как мать должна поговорить с Нюсей, она вечерами шляется где-то допоздна, хотя я велел ей быть дома в полдесятого. Тебе вчера Мачимура твой звонил, я сказал, ты сегодня будешь.

«Ну, с прибытием», – вздохнула Ольга, наливая кипятка из закипевшего чайника в любимую треснувшую кружку. Пока ехала из аэропорта, она надеялась, что Лобанов умотал куда-нибудь по своим летним делам. Зря надеялась – сожитель был дома, паковал какие-то мешки. Встретил радушно, потянулся целовать – Ольга отвернулась, и Лобанов чмокнул её куда-то в район уха. Пошла на кухню ставить чайник – чаю очень хотелось, он притащился следом и получилось чаепитие с комментариями.

За две недели командировки Ольга уже отвыкла от лобановского брюзжания, поэтому его слова цепляли. Внешне сдерживаясь, внутренне она огрызалась: «Воду не наливать. Да она, после московской, чище чистого. Чайник испортится. Надо будет, новый куплю. Кружку выкинуть, ага, тебя не спросила. Нюска шляется. Ночи белые, до одиннадцати пусть гуляет, пока пока погода хорошая. Мачимура звонил... Что?»

– Когда он звонил?

– Да вчера, говорю. Ты что, плохо слышишь после своей Москвы?

– А что хотел?

– А хрен его поймет. По-русски этот твой японский аксакал говорит, сама знаешь как. Вроде приехать хочет.

– Когда?

– Оля, ну говорю же, не разобрал! Чего ты пристала, в самом деле! Лучше скажи, где моя ветровка с оранжевым капюшоном. Куда ты её засунула? Почему ты всё куда-то деваешь, ничего в доме найти нельзя!

– Жора, меня дома две недели не было! – прорвало-таки Ольгу и Лобанов обрадовался.

– Вот именно! Вместо того чтобы домом заниматься, мотаешься где-то. Дочь заброшена, шляется, курит наверняка. Я у неё вчера спички в кармане нашел.

– Жор, ты что, шариишь по её карманам?

– Убирает в доме кое-как, вещи в кучу, ничего не найдешь... Да, шарю. Тебе же некогда, а за Нюской контроль нужен. А то сегодня спички, завтра – шприцы. Ты хочешь, чтобы твоя дочь стала наркоманкой?! Или в подоле принесла?

– Лобанов, ну что ты несёшь! – поморщилась Ольга. Господи, ну неужели это так трудно, – дать ей спокойно попить чаю? – Какой подол, какие шприцы, какие наркоманы! Нюска нормальный подросток, у неё нормальные друзья...

Лобанов уже не слушал. Он закончил паковать свои мешки и надевал ветровку – отыскал.

– Ты надолго уезжаешь?

– Недели на две. С мужиками договорился, у них лицензия на горбушу, в бригаду взяли.

«Точно, нерест начался. Ну, хоть икры притащит» – подумала Ольга. Лобанов каждое лето прибывался к какой-нибудь рыболовецкой бригаде, приносил в дом красной икры и по несколько мешков горбуши. Икру мужики солили еще у реки, а рыбу Лобанов разделявал на куски и забивал ими всю морозилку. В сезон горбуша на рынке стоила копейки, за три рыбины просили денег, как за десяток яиц. Но, по крайней мере, не надо было тратить хотя бы этих денег. И с рыбой не надо было возиться – достал из морозилки, и готовь.

– Жор, может, ты мне ключи от машины оставишь?

– Оставлю, – подозрительно легко согласился Лобанов. – Только заправить надо, бак пустой.

«Понятно, опять на мели», – вздохнула Ольга. Свой красный, как пожарная машина, «Ниссан Патрол» Лобанов купил прошлым летом. К нему тогда приезжала группа экстрималов из Германии, и он устроил такой сплав по речным порогам, что бедные фрицы набрались, похоже, впечатлений лет на пять. По крайней мере, этим летом они не приехали, хотя и обещали. Гонорара от тех туристов ему хватило на «Патрол». Не новый, конечно, но и не сильно подержанный, чуть ли не спецзаказом из Японии везли. Автомобиль выглядел мощно, бензин кушал по-взрослому. Ольгу Лобанов подпускал к машине только когда был совсем на мели. Она тогда заливала полный бак и каталась по городу – поддерживала водительский навык. Курсы Ольга окончила ещё в позапрошлом году, но на свою машинку накопить всё никак не получалось. Так и каталась на чужих. То у Славы Птицына, главного редактора «Территории» и своего непосредственного начальника, выпросит порулить, то у Таньки Мухиной, своей коллеги и лучшей подруги. Кстати, и Слава, и Танька доверяли ей машину легко – у Ольги начисто отсутствовал женский водительский кретинизм. Она чувствовала машину, машина чувствовала её, особенно если в салоне не было Лобанова. Если он был, то начинал шуметь, одергивать, командовать, комментировать, – и исчезали все чувства, кроме раздражения. С ним больше получаса Ольга за рулем не выдерживала – уставала так, будто гоняла шесть часов по перевалам. А теперь, похоже, она получила подарок судьбы – машина две недели в её полном распоряжении, Лобанов – на расстоянии.

– И аккуратнее за рулём, а то начнёшь по дороге ворон ловить. Смотри, куда едешь, а то приедешь, куда смотришь! Ну, всё, я пошёл, мужики уже под окнами сигналият, – махнул рукой Лобанов, сгреб свои мешки и исчез. На две недели!!!

Закрыв за ним дверь, Ольга вернулась на кухню, заварила себе кофе. Спать хотелось отчаянно, но она решила, что лучше перетерпеть до вечера. Так быстрее в новое время войдет. А то выспится до вечера, а ночью будет маяться: семь часов разницы с Москвой, день и ночь местами меняются. Только чем заняться? За Лобановым, что ли, прибраться? Раскидал барахло по всей квартире. Ольга попинала коробку с зимней обувью – Лобанов вытащил её с антресоли, да так и бросил в коридоре. Лезть на стремянку запикивать обратно? Нет, не сейчас.

– Мамачка приехала! – Нюська влетела в двери конопатой бестией и повисла у Ольги на шее.

– Привет, зайчоныш, – чмокнула Ольга дочь в макушку. – Как ты тут без меня?

– Нормально!

– Жора не очень доставал?

– Да так, бурчал себе. Один раз, правда, совсем разорался, а я на улицу сбежала. Кричал, что домой не пустит. Я даже с Надей договорила, если что, у неё буду ночевать.

– То есть? – подобралась Ольга.

– Да не волнуйся, я пришла в десять, Жоры не было, я быстренько спать улеглась, даже не слышала, когда он вернулся. А он утром повыступал немного, и всё. Знаешь, папа звонил!

– И как он там, в своем Техасе? – Вадим уехал в Америку по рабочей визе месяц назад.

– Говорит, что хорошо. Говорит, с ним контракт заключили на три года, тетя Ира и мальчишки оформляют визы, едут к нему осенью. Папа говорит, что через полгода и я могу приехать, если захочу в Америке учиться.

– А ты хочешь?

– Не знаю... английский подзубрить придется. И, говорят, школы у них странные, и учат там плохо, – Нюська явно хотела в Америку, но боялась обидеть мать.

– Нюсь, ты чего выдумываешь? Нормальные там школы, просто учат по-другому. Так, как твоя Наталья Степановна никто визжать на уроке не посмеет – вмиг с работы вылетит.

Ольга знала, о чем говорила. В 93-м, когда открылся «железный занавес», Северск побратался с Анкориджем, и Ольга попала в первую делегацию журналистов, приглашенных на Аляску. Контраст сытого, чистенького, изобильного Анкоридже с грязным, серым, голодным (ещё очень хорошо помнилось, как очередь за мясом по талонам занимали с семи утра) Северском был ошеломительным. Ольга заходила в магазины, в школы, в дома, смотрела на улыбчивые беззаботные лица американцев и чувствовала себя то ли во сне, то ли в сказке. В быль и явь вернулась через десять дней и ещё две недели лежала на кровати лицом к стене. Вставала только чтобы написать в свою газету очередную заметку про рай по имени Анкоридж, заново переживая сказочные мгновения, и опять впадала в ступор. Лежать лицом к стене ей никто не мешал: Нюска была в Екатеринбурге у бабушки, Лобанов ходил в какой-то поход. А когда вернулся, вытащил Ольгу из ступора очень просто. Выгреб её из кровати, налил водки и заставил выпить. Потом Ольга рыдала, спрашивала, за какие грехи её угораздило родиться в этой стране, потом пела про мороз, потом позволила Лобанову заняться с ней сексом. Наутро проснулась с трещащей от похмелья головой – и вернулась на родину.

– Мам, так ты отпустишь? – Нюска аж дыхание затаила, так хотела, чтобы мать сказала «да».

– Отпущу, конечно. Закончишь восьмой класс, английский подтянешь, – и дуй в свою Америку.

– Здорово! Слушай, мам, ты, наверное, голодная с дороги! Мы у Нади пироги пекли с навагой. Сами! Вот, я тебе принесла кусок.

– Неужели и тесто сами месили?

– Не, тесто мы в гастрономе купили замороженное. А навагу нам Колька Птицын дал, он её с пирса наловил. Сейчас чай поставлю.

– Нюсь, чайник ещё горячий.

Нюска достала тарелку, вытащила из пакета кусок пирога, завернутый в салфетку, развернула и торжественно водрузила пирог на тарелку. Ей явно нравилось ухаживать за матерью. Выглядел пирог вполне съедобно: румяный, пропечённый, только снизу чуть-чуть, самую малость подгорел. Ольга взяла кусок в руки и откусила. Тесто откусилось хорошо, а дальше пошло сопротивление: ни тесто, ни рыба так сопротивляться не могли. Тогда Ольга начала жевать то, что откусилось, и разглядывать то, что сопротивлялось. Из пирога на неё философски глядела белым круглым глазом наважья голова. А со стула напротив нетерпеливо глядела Нюска, явно ждавшая похвалы.

– Нюсь, очень вкусно. Но, по-моему, рыбу для пирога вы не дочистили.

– Мам, всё дочистили. Я сама чистила – и плавники обрезала и кишки вытащила. А чешуи у наваги нет!

– Молодец, ты все сделала правильно, вкусный получился пирог, только в следующий раз нужно ещё и голову выкинуть и хребет. Оставляй только мякоть. Телефон звонит, послушай, пожалуйста.

– Алло! Хай! Мам, это дядя Мачимура звонит!

– Мачимура-сан, здравствуй, – Ольга перешла на английский. – Что значит, ты прилетел? Ты на Соколином? Кого привез? Встретить вас? Ну вы, братцы, даёте.

«Братцы» Ольга сказала по-русски, кладя трубку и изумлённо глядя на Нюську.

– Нюсь, он опять привез кого-то жениться. Вот тебе и веер с гейшами.

Глава 3

– Оля-доча! Оля-доча! – Мачимура махал ей от стойки информации.

– Здравствуй, Мачимура-сан, давно ждёте?

– Нет, мы ходили, всё здесь смотрели. Ичиро впервые в России, ему интересно – показал Мачимура на своего спутника.

Их познакомили. В отличие от прошлого жениха Ичиро Кавагути был явно другого полета: лет тридцати пяти, лицо чистое, приятное, на носу – элегантные очки в тонкой оправе жёлтого металла. Одет в джинсы, куртку и кроссовки, явно дорогие. Багажные сумки тоже дорогие, кожаные. Когда Ольга усаживала японцев в лобановский «Патрол» и грузила багаж, больше всего хлопот доставила красивая круглая коробка, огромная, как будто в ней был какой-то фантастический торт. В багажник коробка не влезала категорически, и её уложили на заднее сиденье, рядом с мистером Кавагути. Даже не уложили, а поставили наискосок, вклинив между полом и потолком. Мачимура сел впереди рядом с Ольгой и пока ехали рассказывал, что Ичиро бизнесмен, выпускник Гарварда, что ему тридцать пять лет, что он до сих пор строил свою карьеру. Теперь построил и решил жениться. По совету Мачимуры – на русской. Времени у господина Кавагути мало, из своего делового расписания он сумел выкроить две недели, невесту выбрал по фотографии, ему Мачимура показывал. Сейчас вот приедут, устроятся в гостинице и позвонят невесте. Вон, кивнул Мачимура в сторону коробки, и платье даже подвенечное купили.

– Мачимура, а как вы размер выбирали?

– Я показал твоё фото продавщице, сказал, на такую невесту надо, как Оля-доча.

– А кто невеста?

– Да вот, она!

Мачимура достал из внутреннего кармана пиджака фотографию и ткнул в неё пальцем. Это был групповой снимок по поводу какой-то торжественной встречи Мачимуры в городской администрации. А показывал японец на Ингу Смирнову, доцента кафедры иностранных языков Северского педуниверситета.

– И что, она согласна? – изумилась Ольга.

– Сейчас позвоним из гостиницы её родителям и скажем, – широко улыбнулся японец. Он пребывал в полной уверенности, что такому жениху не отказывают, щурил и так раскосые глаза и явно предвкушал предсвадебные хлопоты. Жених Ичиро невозмутимо рассматривал сквозь очки промелькивающие за окном пейзажи.

Ольга же вспомнила, что в Японии, кажется, никто согласия невесты и не спрашивает, – с родителями договариваются. Что в родителях у Инги ректор того же педуниверситета и директор местного книжного издательства. И что «невеста» явно не из тех, кому замуж за иностранца – как выигрыш в лотерею. «Сколько там у японца в запасе? Пара недель? Ох, чует мое сердце, придётся мне поработать свахой!»

– Оля, привет! Ну, и как там взаимоотношения власти и СМИ?

Танька Мухина намекала на командировку. Союз журналистов собрал в Москве тусовку из журналистов из разных городов и весей, пригласил парочку европейских аналитиков и устроил трехдневный круглый стол с обсуждениями как быть, если власть вмешивается в работу СМИ. Мероприятие было квёлое, протокольное, Союз журналистов отрабатывал какие-то гранты. Но приглашение в Северск прислали – расстарался их бывший ответсекретарь Толик Завадин, который пару лет назад уехал в Москву и так вот устроился. Дорогу и командировочные оплачивала приглашающая сторона. Слава Птицын, главный редактор, и отправил Ольгу в столицу, как бы премировав её за репортаж о забастовке учителей в Манусском районе. Заодно

избавил на неделю – Ольга прихватила отпускных дней – от истерик Тони Петровой, советника по СМИ северского губернатора. Антонина, дама ленинской закалки, напоминала Ольге Ариадну из «Золотой Округи» своей безапелляционностью и желанием искоренить всяческую «отсебятину». Гудков, губернатор, Антонину игнорировал – она досталась ему в наследство от предшественника и досиживала до пенсии. Птицын, главный редактор «Территории», тоже. И Антонина доказывала свою нужность тем, что звонила лично «проштрафившимся» журналистам и отчитывала их за «не профессиональность и нелояльность». В этот раз она как раз напустилась на Ольгу – посчитала её выводы об областном бюджете «нелояльными».

– Ну, и как там взаимоотношения власти и СМИ?

– Власть к средствам массовой информации не относится, – отшутилась Ольга.

– А как коллеги-журналисты?

– А коллеги смотрели на меня, как на папуаса. Я там единственная из такого далека была – все остальные из Рязани, Костромы да Ярославля. И все важные такие – главный редактор областной газеты, заместитель губернатора по контактам с прессой. Из Мордовии вообще советник президента приехала!

– Чей советник?! – изумилась Мухина

– Мордовского президента.

– Шутишь?

– Нет. Мордовия – республика, во главе республики у них президент, и у него есть советник по СМИ, упитанная такая тётушка.

– Это вроде нашей Антонины?

– Ну, примерно.

– Интересно хоть было?

– Тоска, если честно. Я только первых полдня выдержала и на третий день заскочила. Знаешь, что поразило? Переводчик-синхронист. Я, поначалу, никак понять не могла: на русский переводит мужик с противным высоким голосом, на английский – тётка с приятным низким, эротичным таким голоском, а переводчика вижу одного! Вроде и сидела недалеко. Потом дошло – это он один так на два голоса разговаривает. По-русски – как «пра-а-тивный», по-английски – как «сэкси гёрл».

– Обалдеть!

– Ну да. Этот синхронист увидел в списках, что я из Северска, в перерыве подошел и про Кожина спрашивает «А правда, что в Северске есть его квартира-музей? А правда, что он был голубой?».

– А ты что?

– Не знаю, говорю, наша газета не располагает информацией о сексуальной жизни Сергея Кожина. И пообещала дать телефон квартиры-музея – пусть у Маргариты спросит.

Танька прыснула, представив как важная Маргарита, в парике, с прямой спиной отвечает на вопрос «А не гей ли был Сергей Кожин?». Маргарита называла себя женой Кожина, хотя на самом деле была поклонницей его таланта, когда-то приехавшая в Северск из тогда ещё Ленинграда и принялась ухаживать за уже больным и несносным к старости кумиром. Кожин в молодости обладал красивейшим тенором, в начале сороковых годов блистал в Ленинграде и Москве. А в конце сороковых попал в немилость, как враг народа был сослан в сталинские лагеря, потом оставлен в Северске на поселение. Он не смог вернуться в свой Питер даже после реабилитации – болел, не выдержал бы перемены климата. На Маргариту этот дряхлый и больной старик орал и топал ногами – Ольга сама видела. Она успела застать Кожина при жизни и даже сделала о нём серию очерков для центральных газет. Но умер он на руках этой женщины – жена и дети отказались от него сразу после ареста, потом уехали из страны, и кроме Маргариты никого у бывшего золотого тенора не оставалось. После смерти Кожина Маргарита развила бурную деятельность и так доняла мэра, что он выделил ей квартиру в старом «ста-

линском» доме. Она сделала в ней музей, проводила там музыкальные вечера и дни памяти, раздавала интервью и делилась воспоминаниями. Почивала на лаврах, в общем.

– Так дала телефончик?

– Нет, конечно. Я вообще на второй день не явилась, а на третий пришла после обеда – фуршет пообещали.

– Нормальные мужики хоть были там? – спросила Танька особенным голосом, явно предвкусывая представление в лицах. Ольга умела так рассказывать-показывать – смешила до икоты.

«Был, подружка, был один, но рассказывать пока не стану!»

– Были, правда специфические. Замгубернатора из Ярославля галантничал. Представляешь, спрашивает: «У вас все женщины в Северске такие эффективные?» «Эффектные» хотел сказать, слова перепутал. Бедные ярославские журналисты, могу представить, какие перлы выдает им пресс-служба в этом Ярославле! Ещё депутат Костромской областной думы визитку совал и звал приезжать, мол, обеспечит культурную программу. Это мы когда на фуршете уже были. Потом ещё два кавалера нарисовались, все дружно пили за мое здоровье. Когда я собралась уходить, все четверо рвались меня провожать.

– Что, прямо так все вчетвером и пошли?

– Не, одна я пошла. Соперница у меня там была – не смогли мужички от неё оторваться.

– Что за баба? – возмущённо подобралась Танька.

– Да не баба! Водочку они всё никак допить не могли – бутылок-то масса халявных. Так и ушла я одна под звон бокалов и тосты за моё здоровье!

– Ну что за блин! Ну нет же мужиков нормальных! – возмутилась Мухина.

– Кстати о нормальных мужиках! Мачимура приехал, нового жениха привез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.